ПАРВУС

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Россійская Социальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПАРВУСЪ.

Война и Революція

(Отдѣльный оттискъ изъ № [illegible]9 „Искры“).

ИЗДАНІЕ
ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА
Р. С.-Д. Р. П.

Типографія Центральнаго Комитета.
1905

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ.

Девять мѣсяцевъ войны.

Самодержавіе вступило въ періодъ своей политической агоніи. Оно страшно еще въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ, но дни его сочтены.

Самодержавіе падетъ. Вотъ несомнѣнный результатъ войны. Война можетъ затянуться, неизвѣстенъ ея конечный исходъ, но одно несомнѣнно: она въ конецъ подкопала политическіе устои царской Россіи.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ, вначалѣ войны, я писалъ: „война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россіи". Каково же положеніе царской Россіи въ настоящій моментъ, послѣ девяти мѣсяцевъ войны?

Самодержавіе начало войну въ моментъ своего наивысшаго вліянія во всемірной политикѣ. Европа боялась Россіи. Европа была настолько убѣждена въ могуществѣ царской Россіи, что не могла даже допустить мысли о нападеніи на Россію, со стороны ли Японіи, или со стороны другого какого либо государства. Европейскія правительства вѣрили еще въ силу Россіи даже тогда, когда уже стала очевидной ея неподготовленность къ войнѣ. Но удары слѣдовали за ударомъ. Война показала полную военную безпомощность Россіи. Медленно, колеблясь, волнообразными движеніями, увеличивая свой скептицизмъ послѣ каждаго русскаго пораженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ легко возбуждаясь и отдаваясь иллюзіямъ при каждомъ новомъ военномъ плюсѣ русской арміи, чтобы тѣмъ болѣе жестоко разочароваться при новой неудачѣ,—общественное мнѣніе Западной Европы, наконецъ, совершило рѣшительный поворотъ въ своемъ отношеніи къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ измѣняться характеръ политическихъ отношеній державъ къ Россіи. Оказалось, что военное могущество Россіи, съ которымъ онѣ такъ считались въ своихъ политическихъ планахъ, было фикціей. Ихъ пугалъ фантомъ. Призракъ задерживалъ ихъ на пути преслѣдованія своихъ политическихъ цѣлей. Оказалось, что одна изъ величинъ, устанавливавшихъ равновѣсіе Европы и всего міра, была величиной дутой. И если эту величину исключить, создастся совершенно новое соотношеніе силъ. И сообразно съ этимъ видоизмѣняется политика европейскихъ державъ.

Государства, дружественныя Россіи—Германія и Франція, переходятъ отъ доброжелательнаго къ осторожному нейтралитету. Нейтралитетъ съ опаской, какъ бы не втянуться самому въ борьбу. Это въ особенности ясно видно на примѣрѣ Франціи.

Правящіе круги Франціи со смѣшанными чувствами встрѣтили русско-японскую войну. Буржуазная Франція имѣла въ Россіи политическую опору. Это—основа франко-русской дружбы. Вначалѣ предполагалось при помощи Россіи возвратить Франціи Эльзасъ-Лотарингію. Вскорѣ убѣдились, однако, что на агрессивную политику Россіи противъ Германіи нечего разсчитывать. Тогда возникла идея защиты Франціи отъ новаго нападенія со стороны Германіи. Это была фикція, такъ какъ Германіи нечего больше отвоевывать у французовъ. Произошла новая диверсія, подъ сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи. Франко-русскому союзу было дано направленіе противъ Англіи. Французская буржуазія стала мечтать о томъ, чтобы при помощи Россіи, расширить насчетъ Англіи, свои колоніальныя владѣнія и, вообще, упрочить свое колоніальное вліяніе. Но при первомъ же колоніальномъ столкновеніи Франціи съ Англіей—случай въ Фашодѣ—Россія коварно измѣнила своему союзнику, не оказавъ ему никакой поддержки. Съ тѣхъ поръ франко-русскій союзъ потерялъ свое конкретное политическое содержаніе. Остается одна общая идея, что Франція не одна, что у нея есть союзникъ, идея безъ реальнаго политическаго содержанія, которою націоналисты стараются раздуть потухающій огонекъ нахальнаго, и въ тоже время трусливаго шовинизма буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ значеніе франко-русскаго союза во внутренней политикѣ Франціи. Вначалѣ это былъ рычагъ, при помощи котораго сбрасывали министровъ и достигали министерской власти. Потомъ этотъ союзъ сталъ мячикомъ въ игрѣ парламентскихъ партій при выборахъ. Къ тому же времени насталъ торговый кризисъ въ Россіи, который обрушился сильными потерями на французскихъ владѣльцахъ русскихъ цѣнностей. При такихъ условіяхъ разразилась русско-японская война. Франція ждала русскихъ побѣдъ. Эти побѣды раскрыли бы передъ ней перспективы расширенія своихъ колоніальныхъ владѣній. Цѣль, для которой при случаѣ можно было бы даже кой чѣмъ рискнуть. Побѣды русскаго оружія подняли бы воинственный духъ Франціи, и гордая своимъ могучимъ «союзникомъ» шовинистическая буржуазія могла бы вовлечь страну въ военныя авантюры. Эту опасность предвидѣли французскія соціалистическія партіи, которыя поэтому съ самаго начала войны подняли агитацію противъ вмѣшательства Франціи, причемъ радикальное крыло ихъ—гэдисты

и бланкисты, заявили, что на объявленіе войны со стороны французскаго правительства они отвѣтятъ возстаніемъ рабочихъ. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Съ каждымъ ударомъ, наносимымъ русской арміи японцами, падали шансы французскаго шовинизма и трезвенное настроеніе все больше охватывало умы. И вотъ результатъ: могучій союзникъ, на котораго французская буржуазія надѣялась, оказался самъ безпомощенъ. Франко-русскій союзъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить безопасность страны, грозитъ ей міровой войной. Милліардами, отданными взаймы царскому правительству, французская нація только достигла того, что теперь она же оказывается обязанной проливать свою кровь за русскаго царя. Франко-русскій договоръ, недавно еще вздувавшій національныя чувства французской буржуазіи, повисъ теперь камнемъ на ея шеѣ. Она теперь охотно избавилась бы отъ него, если бы была возможность. Это неосуществимо. Но что вполнѣ возможно, это—въ критическомъ случаѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ уклониться отъ исполненія договора. Такъ оно и будетъ. Чѣмъ затруднительнѣе положеніе царскаго правительства, тѣмъ меньше оно можетъ разсчитывать на поддержку Франціи. Примѣръ на лицо! Въ первые дни столкновенія изъ-за потопленныхъ Рождественскимъ рыбачьихъ лодокъ, когда казалось Англія готова была открыть противъ Россіи военныя дѣйствія, французская печать рѣшительно стала на сторону Англіи. Она заговорила объ общихъ интересахъ европейскихъ державъ въ защитѣ мирнаго торговаго мореходста, о томъ, что нужно добиться гарантій, дѣлающихъ повтореніе такихъ случаевъ невозможнымъ и т. п. Когда же острый кризисъ прошелъ, французскія газеты сразу перемѣнили тонъ, стали подыскивать аргументы въ пользу ополоумѣвшихъ отъ страха русскихъ адмираловъ и полемизировать противъ англійскихъ газетъ. Связь ясна: Франція поддерживаетъ Россію только до тѣхъ поръ, пока это ни къ чему не обязываетъ, но въ моментъ опасности ея сочувствіе Россіи исчезаетъ и дружественный нейтралитетъ грозитъ даже превратиться въ явно враждебный.

Германская буржуазія связана очень значительными торговыми интересами съ Россіей. Этимъ въ значительной степени опредѣляется ея дружественный нейтралитетъ. Нѣмецкимъ фабрикантамъ и купцамъ, терпящимъ сильные убытки отъ войны и сопряженнаго съ ней торговаго застоя въ Россіи, разумѣется хотѣлось бы русскихъ побѣдъ и скорѣйшаго завершенія войны. Но именно потому, что часть нѣмецкой буржуазіи матеріально заинтересована въ успѣхахъ русскаго оружія, она, учитывая русскія пораженія, пропитывается раздраженіемъ противъ русскихъ политическихъ порядковъ,

сдѣлавшихъ возможной эту несчастную войну. Недовѣріе царскому правительству растетъ въ Германіи. Идея политическаго переустройства Россіи, какъ слѣдствія неудачной войны, здѣсь очень популярна. Это заставляетъ германскую буржуазію держаться насторожѣ.

Германское правительство, которое вначалѣ старалось подслужиться Россіи въ надеждѣ на ея военные успѣхи, пока что воспользовалось ея затруднительнымъ положеніемъ при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ. Повидимому, ему удалось заставить царское правительство согласиться на возвышенныя хлѣбныя пошлины.

Распространенъ слухъ, будто нѣмецкое правительство съ своей стороны обѣщало устроить Россіи значительный заемъ въ Германіи. Конференціи Витте съ нѣмецкимъ банкиромъ Мендельсономъ, аудіенція того же Мендельсона у царя показываютъ во всякомъ случаѣ, что со стороны царскаго правительства прилагаются большія усилія, чтобы достать денегъ въ Германіи. Однако банкиры, очевидно, требуютъ особыхъ, чрезвычайныхъ гарантій и дѣло подвигается очень туго. Но если бы даже заемъ былъ обезпеченъ, то достаточно характерно уже то обстоятельство, что царскому правительству пришлось поступиться интересами хлѣбнаго вывоза Россіи, чтобы добиться этого займа.

Курсъ русскихъ государственныхъ бумагъ палъ. Онъ палъ, не смотря на отчаянпую биржевую игру русскаго министерства финансовъ, которое систематически снабжаетъ иностранные банки средствами для спекуляціи на повышеніе и тратитъ десятки милліоновъ на скупку русскихъ фондовъ. Курсъ палъ, несмотря даже на то, что положеніе денежнаго рынка чрезвычайно благопріятно для государственнаго кредита. Темпъ роста индустріи все еще очень умѣренный, въ силу этого въ банкахъ накопляются большіе запасы денегъ. Въ такое время биржа гонится за государственными займами и при подпискѣ на сто марокъ, требуемыхъ правительствомъ, предлагаетъ нѣсколько тысячъ. Тѣмъ болѣе знаменательно, что царскому правительству только съ трудомъ, послѣ долгихъ хлопотъ удалось заключить свой военный заемъ во Франціи, на условіяхъ чрезвычайно неблагопріятныхъ. Оно этимъ обезцѣнило всѣ русскіе фонды, сдѣлало возвратъ къ прежнему уровню курса невозможнымъ и такимъ образомъ само подорвало свой кредитъ. Въ прошломъ году русская 4-хъ процентная рента стояла приблизительно на одинаковомъ уровнѣ съ итальянской также 4 процентной: курсъ итальянской ренты колебался между 103—104, русскій курсъ былъ 100—101; теперь курсъ русской 4-хъ процентной ренты 89—91, а итальянская рента осталась безъ из-

мѣненій. Обезцѣненіе русскихъ государственныхъ бумагъ достигаетъ, слѣдовательно, **десяти процентовъ.** Если распредѣлить это на весь русскій государственный долгъ, то окажется, что кредиторы царскаго правительства уже потерпѣли убытокъ почти что въ **полтара милліарда марокъ.** Конечно, убытокъ этотъ остается только на бумагѣ, покуда владѣлецъ русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ ихъ сохраняетъ въ своей кассѣ. Отсюда возникаетъ интересъ биржи удержать русскій курсъ отъ паденія. Потери при продажѣ русскихъ бумагъ уже сейчасъ очень велики, всякій знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, если всѣ начнутъ продавать, то паденію курса не будетъ удержу—поэтому, владѣльцы русскихъ государственныхъ облигацій сохраняютъ ихъ скрѣпя сердце, въ портфелѣ.

Паденіе курса русскихъ фондовъ задерживается не изъ разсчета на повышеніе, а изъ боязни ихъ окончательно обезцѣнить. Охраняющимъ ихъ факторомъ является не довѣріе къ устойчивости русскихъ финансовъ, а, наоборотъ, опасеніе довести государство до банкротства, которое, разумѣется, прежде всего отразится на владѣльцахъ русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Создается глухое напряженіе. Биржа робко прислушивается къ военнымъ событіямъ и съ озлобленной настойчивостью требуетъ отъ царскаго правительства побѣдъ. Быть можетъ, будущій историкъ, на основаніи документовъ, теперь публикѣ недоступныхъ, покажетъ, что давленіе со стороны биржи было одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ генерала Куропаткина перейти въ наступленіе. Биржа привѣтствовала этотъ моментъ, какъ новую эру. Вышло опять наоборотъ. Курсъ все еще удалось удержать, но основы его равновѣсія все болѣе подтачиваются—а, когда онъ снова пошатнется, то падетъ гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Невозможно предсказать, когда настанетъ этотъ моментъ. Это зависитъ отъ хода военныхъ событій, отъ политики и отъ финансовыхъ оборотовъ царскаго правительства, а съ другой стороны отъ общаго состоянія денежнаго рынка. Но раньше или позже, переломъ неминуемъ и можно съ увѣренностью сказать, что дальнѣйшее сильное паденіе русскихъ фондовъ весьма разрушительно отразится на всѣхъ биржевыхъ операціяхъ: оно повлечетъ за собой паденіе всѣхъ другихъ биржевыхъ цѣнностей, русскихъ какъ и иностранныхъ. Уже первое паденіе курса русскихъ бумагъ вначалѣ войны оказало сильное давленіе на биржу. Пострадаютъ банки, имѣющіе въ собственномъ портфелѣ или подъ залогъ русскія бумаги. Это, конечно, повлечетъ за собою новыя осложненія. Фондъ русскаго государственнаго банка заграницей,

предназначенный для биржевой спекуляціи на повышеніе, будетъ сорванъ. Врядъ ли удастся удержать золотой обмѣнъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Разразится одинъ изъ самыхъ страшныхъ **денежныхъ кризисовъ**.

Перспективы эти, разумѣется, не въ состояніи расположить европейскую буржуазію въ пользу царскаго правительства. Она еще не можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, но чувствуетъ, что, если война будетъ дальше умножать только русскія пораженія, это должно и на Европѣ отразиться разными бѣдами политическаго и финансоваго характера. Недовѣріе къ царскому правительству растетъ. Измѣняется сама точка зрѣнія при обсужденіи русскихъ дѣлъ. Скептицизмъ окрашиваетъ все въ новый цвѣтъ. То, что раньше казалось грозной силой, становится вздорнымъ хвастовствомъ, мужество кажется нелѣпымъ упрямствомъ, храбрость—безуміемъ, и если раньше малодушіе прикрывалось мантіей разсудительности, то теперь благоразуміе заподазривается въ трусости. Озлобленіе, недоброжелательное отношеніе беретъ верхъ. И на мѣсто могущества Россіи въ политическіе планы европейской буржуазіи все больше начинаетъ входить идея разложенія Россіи.

При англо-русскомъ столкновеніи германская буржуазія высказалась такъ же двусмысленно, какъ и французская. Въ острую фазу конфликта германская пресса хлестко нападала на Россію, но какъ только стало ясно, что англійскія угрозы можно, пока что, не брать въ серьезъ, буржуазныя нѣмецкія газеты вдругъ вспомнили свою роль безпристрастнаго наблюдателя и стали осуждать направо и налѣво—и русскихъ морскихъ офицеровъ и англійское правительство. Такъ какъ Германія не связана оборонительнымъ договоромъ съ Россіей, то политика эта, повидимому, была обусловлена желаніемъ вовлечь Англію въ войну съ Россіей. Но если въ русско-японской войнѣ Германія очень опредѣленно поставила свою карту на сторону Россіи, то въ англо-русской войнѣ она могла бы расчитывать только на то, что война эта, пошатнувъ значительно могущество Англіи, раздробитъ окончательно силу царской Россіи. Это означаетъ уже разсчетъ на то, чтобы явиться торжествующимъ наслѣдникомъ какъ Англіи, такъ и разбитой на голову Россіи.

Россія оказывается политически изолированной. Ея дружественный договоръ съ Франціей сохраняетъ еще только формальное значеніе. Показавъ свое безсиліе, она потеряла своихъ союзниковъ. Еще нѣсколько неудачъ, еще болѣе сильное паденіе, и ея друзья соединятся съ ея врагами. Въ то же время враги ея переходятъ къ наступательной политикѣ.

Англійская экспедиція въ **Тибетъ** была вызовомъ Рос-

сіи. Англійское правительство, отправляя экспедицію, сочло нужнымъ тутъ же заявить: „до Тибета никому, кромѣ Англіи, дѣла нѣтъ“. Открытая цѣль экспедиціи была показать Далай-Ламѣ, что ему нечего ждать помощи отъ царя. И задача эта была превосходно выполнена. Англичане достигли Ліассы, и надежды тибетскихъ монаховъ на вмѣшательство царя оказались столь же тщетными, какъ и надежды благочестиваго тибетскаго народа на то, что попамъ и чернокнижникамъ удастся двинуть противъ англичанъ адскія или небесныя силы. Договоръ, продиктованный ангичанами тибетскому правительству, помимо улаженія спорныхъ пунктовъ, которые служили только поводомъ, но не причиной военной кампаніи, очень ясно и опредѣленно ставитъ всѣ сношенія съ Россіей, подъ контроль Англіи и въ полную зависимость отъ ея воли. На эту политическую оплеуху царское правительство не могло отвѣтить ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ оффиціозныхъ статей въ „Новомъ Времени“, полныхъ безсыльной брюжжащей злобы.

Еще смѣлѣе Англія выступила въ своемъ конфликтѣ съ Россіей изъ-за знаменитой бомбардировки рыбачьихъ лодокъ.

Англія нисколько не думала довести дѣло до войны, это теперь очевидно, тѣмъ не менѣе, она дѣлала видъ, что откроетъ немедленно военныя дѣйствія. Такъ поступаютъ только по отношенію къ противнику, относительно котораго увѣрены, что онъ никоимъ образомъ не можетъ рѣшиться на борьбу и, слѣдовательно, долженъ будетъ отступить. И Англія съ успѣхомъ провела эту политику.

Мобилизація англійскаго флота внѣ всякаго сомнѣнія нагнала сильный страхъ на царское правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія могла убѣдиться, что въ случаѣ войны съ Россіей ей нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ. Политическій экспериментъ оказался очень удачнымъ. На этомъ Англія пока остановилась. Но, разумѣется, по мѣрѣ роста военныхъ неудачъ царскаго правительства она незамедлитъ пойти дальше.

До войны царское правительство во всемъ мірѣ вело наступательную политику. Война заставила его принять оборонительное положеніе. Теперь его противники переходятъ къ наступленію. Скоро начнутъ его повсюду вытѣснять и закрывать ему пути, какъ въ Тибетѣ. Окажется это и въ Персіи, и въ Малой Азіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

А между тѣмъ, война все болѣе и болѣе истощаетъ силы Россіи. Заключить миръ? На это царское правительство рѣшиться не можетъ. Это значило бы оффиціально признать свое безсиліе. Если бы даже удалось теперь заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя Японія ставила до войны, то

все же царское правительство попало бы въ чрезвычайно плачевное положеніе. Вытѣснивъ побѣдоносной войной Россію изъ Манджуріи, Японія теперь, конечно, и въ Кореѣ и въ Китаѣ повела бы гораздо болѣе агрессивную политику, чѣмъ до войны. Но миръ въ настоящій моментъ на старыхъ условіяхъ прямо немыслимъ. Японія неминуемо потребуетъ сдачи Портъ-Артура. Согласиться на это, для царскаго правительства равносильно признанію своего политическаго банкротства. Поэтому оно употребляетъ всѣ усилія, чтобы нести дальше войну, надѣясь, въ концѣ концовъ, сломать военную энергію Японіи.

Однако, ближайшія военныя перспективы царскаго правительства съ достовѣрностью показываютъ только одно—паденіе Портъ-Артура. Хотя судьба крѣпости давно рѣшена, тѣмъ не менѣе, капитуляція ея произведетъ потрясающее впечатлѣніе и въ мірѣ политики и въ мірѣ финансовъ. Завоевавъ Портъ-Артуръ, Японія достигаетъ главной политической цѣли своего похода.

Политическая карта войны мѣняется, воющія стороны обмѣниваются своими ролями: только что японія съ неимовѣрными усиліями старалась завоевать русскую крѣпость, а тутъ, наоборотъ, Россіи придется отвоевывать у Японіи Портъ-Артуръ. Политическій престижъ Японіи, конечно, сыльно подымается, подымается патріотическое воодушевленіе и въ странѣ и въ войскѣ. Помимо всего прочаго, освободятся нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которыми Японія сумѣетъ подкрѣпить свою манджурскую армію и освободится ея военный флотъ.

Допустимъ, хотя на это мало вѣроятія, что во всемъ остальномъ ходъ военныхъ событій сложится благопрятно для царскаго правительства. Чего же можно ожидать въ лучшемъ случаѣ? О наступательной зимней кампаніи уже никто не думаетъ. Это дѣло рѣшенное. Въ настоящій моментъ похваляются уже однимъ тѣмъ, что удалось армію зарыть въ землянки и этимъ защитить ее и отъ холода, и отъ японскихъ ядеръ. Самое большее, слѣдовательно, можно разсчитывать на то, что Куропаткину удастся удержаться на своей позиціи всю зиму. Каково будетъ состояніе арміи къ веснѣ? Она уже сейчасъ деморализована, удручающе повліяетъ на нее паденіе Портъ-Артура, мѣсяцы бездѣйствія должны парализовать ея энергію, а отъ манджурскихъ морозовъ и мятелей при ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ, да еще при непорядкахъ русскаго интендантства, армія пострадаетъ не меньше, чѣмъ она страдала до сихъ поръ отъ японскихъ пуль и гранатъ. За зиму будутъ присланы подкрѣпленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть арміи, истощенная и

изболѣвшаяся, не будетъ пригодна къ походу и должна быть отослана на родину. Принимая, къ тому же, во вниманіе незначительную провозоспособность сибирской желѣзной дороги, врядъ ли можно разсчитывать на значительное усиленіе численнаго состава русской манджурской арміи къ веснѣ. Итакъ, переждавъ весенніе разливы, Куропаткинъ двинется въ наступленіе. Конечно, зима и на японскую армію повліяетъ неблагопріятно. Однако она по многимъ причинамъ находится въ лучшемъ положеніи. Духъ ея болѣе бодрый, по всѣмъ даннымъ она и одеждой и пищей лучше обезпечена, японское интендантство работаетъ исправно, да и условія у нея лучшія въ виду болѣе близкихъ и хорошихъ путей сообщенія, соединяющихъ армію со страной. Численный составъ японской арміи увеличится, благодаря освобожденію осадной арміи у Портъ-Артура и присылкѣ еще отнюдь не истощившихся японскихъ резервовъ. Соотношеніе силъ къ началу лѣтней кампаніи, поэтому, будетъ приблизительно такое же, какъ теперь. Допустимъ, что Куропаткину на этотъ разъ все же удастся одолѣть японцевъ, но и въ этомъ случаѣ рѣчь можетъ, конечно, идти только объ ихъ постепенномъ отступленіи. Разбить современную армію наголову, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ сломить окончательно ея силу противодѣйствія—нельзя. Именно японско русская война сдѣлала это болѣе всего очевиднымъ. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ японцевъ будутъ оттѣснять шагъ за шагомъ, какъ до сихъ поръ они оттѣсняли русскую армію. Но русской наступающей арміи при этомъ придется гораздо тяжелѣе, чѣмъ приходилось японцамъ. Уже по одному тому, что страна заззорена и придется идти по мѣстамъ, которыя русская армія сама при своемъ отступленіи опустошила. Затѣмъ, какъ извѣстно, японцы до сихъ поръ шагу не дѣлали впередъ, не укрѣпивши предварительно завоеванной позиціи,—слѣдовательно, придется ихъ выбивать шагъ за шагомъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ. При этомъ русская армія все больше будетъ отдаляться отъ своей главной операціонной базы, а японская приближаться. Преимущества болѣе короткаго, удобнаго и скораго сообщенія съ страной, такъ выгодно сказывавшіяся при японскомъ наступленіи, конечно, не меньше помогутъ имъ при отступленіи. Въ виду всего этого, Куропаткину, при самыхъ лучшихъ условіяхъ понадобится не меньше времени, чтобы оттѣснить японцевъ къ р. Ялу, чѣмъ японцамъ понадобилось, чтобы отъ р. Ялу достигнуть Мукдена. Итакъ, если Куропаткинъ въ это же время будущаго года, т. е. къ зимѣ 1905—06 года окажется у Портъ-Артура, то это будетъ самымъ блестящимъ военнымъ успѣхомъ, какого только можно ожидать. Тогда только онъ

будетъ стоять передъ задачей — завоевать Портъ-Артуръ. Японцы къ тому времени возстановятъ разрушенныя ими укрѣпленія, а еслибы это имъ и не вполнѣ удалось, то они зато будутъ имѣть передъ теперешними защитниками крѣпости громадное преимущество **свободнаго морского сношенія.** Ибо отъ балтійскаго флота можно ждать чего угодно, но только не того, чтобы онъ уничтожилъ японскій военный флотъ и послѣ этого еще былъ въ состояніи блокировать военную гавань. Осада затянется, и къ веснѣ 1906 года можно будетъ серьезно разсчитывать на заключеніе мира. Разумѣется, военныя прогулки по японскимъ островамъ, уничтоженіе государственной силы Японіи и т. п. все это только нелѣпый бредъ разгоряченнаго воображенія нашихъ квасныхъ патріотовъ. Въ лучшемъ случаѣ, миръ будетъ заключенъ на основаніи истощенія силъ обѣихъ сторонъ на какой нибудь средней линіи. Дѣлается это обыкновенно насчетъ кого нибудь третьяго. Третьяго недолго искать. Японія получитъ Корею, а Россія удержитъ Манджурію и Портъ-Артуръ.

Таково дальнѣйшее теченіе и таковъ исходъ войны для Россіи при **невѣроятно благопріятныхъ условіяхъ.** Каковъ же политическій разультатъ? Возстановлено положеніе, какимъ оно было до войны, но только Россія стала другая и политическія соотношенія державъ измѣнились. Россія потеряла свой военный флотъ, истощила армію, нажила себѣ пару новыхъ милліардовъ долгу, подорвала свой кредитъ, раззорила страну, должна была, чтобы концентрировать всѣ свои силы на войну съ Японіей, поступиться своими интересами передъ державами, которыя, какъ мы видѣли, даже сейчасъ готовятся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и не преминутъ это сдѣлать, разъ война затянется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политическій конфликтъ въ Восточной Азіи не разрѣшенъ, развязка его только отсрочена и, покончивъ съ войной, Россія должна немедленно начать готовиться къ войнѣ. Итакъ, война даже при самомъ благопріятномъ ея исходѣ, истощитъ силы самодержавной Россіи и поставитъ ее передъ задачами, исполненіе которыхъ уже сейчасъ ей не подъ силу.

Но почти немыслимо, чтобы ходъ военныхъ событій вдругъ радикально измѣнилъ свой характеръ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что японцы будутъ малодушно выжидать за своими окопами цѣлую зиму, пока Куропаткинъ сочтетъ для себя выгоднымъ повести на нихъ свои войска. Наоборотъ, весь опытъ настоящей войны говоритъ за то, что они даже въ ближайшемъ будущемъ перейдутъ къ наступленію. А если не сейчасъ, то навѣрное послѣ

паденія Портъ-Артура. И вотъ представимъ себѣ, что имъ удастся выбить Куропаткина изъ его позиціи, какъ это имъ удавалось до сихъ поръ. Тогда судьба кампаніи рѣшена: русской арміи придется оставить Мукденъ и отступить къ Харбину. Собрать новую русскую армію, способную дать отпоръ японцамъ, можно будетъ только еще въ Харбинѣ. Отступающая же русская армія съумѣетъ, пожалуй, сраженіями по пути, при страшныхъ потеряхъ съ своей стороны, задержать на время наступательное движеніе японцевъ, но остановить его она, потерявъ ближайшее генеральное сраженіе, уже навѣрное не будетъ въ состояніи. Отбросивъ русскую армію въ горные хребты южной Манджуріи и овладѣвъ этой частью манджурской желѣзной дороги, японцы могутъ остановиться. Они, разумѣется, не думаютъ о томъ, чтобы завоевать Сибирь и пойти на Москву. Сомнительно, чтобы для нихъ имѣло смыслъ слѣдовать за русскимъ войскомъ дальше Харбина. Взятіе Харбина, который, благодаря исходящимъ отъ него развѣтвленіямъ манджурской желѣзной дороги, является стратегическимъ ключемъ къ Портъ-Артуру и къ Владивостоку, для нихъ имѣетъ большое, но отнюдь не рѣшающее значеніе. Они позаботятся о томъ, чтобы укрѣпить горные проходы; разъ это имъ удастся, они могутъ въ пройденной ими западной части южной Манджуріи ограничиться обороной, а наступательное движеніе перевести къ владивастокской вѣтви Манджурской желѣзной дороги. Вторая часть ихъ главной стратегической задачи, а именно: овладѣніе горной Манджуріей, которая, будучи снабжена крѣпостями, дѣлаетъ Китай и Корею для Россіи недоступными, доставитъ имъ гораздо меньше трудностей, чѣмъ первая. Эта вторая часть должна завершиться паденіемъ Владивостока. Тутъ уже нечего будетъ заботиться о томъ, чтобы отвоевать обратно Портъ-Артуръ,—достаточно будетъ работы, чтобы защитить Владивостокъ. Посланный на морскія авантюры балтійскій флотъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, только ухудшитъ это отчаянное положеніе. Очень сомнительно—дойдетъ-ли онъ цѣликомъ до японскихъ водъ. Совершенно непонятно, какъ онъ будетъ вести военную кампанію, не имѣя операціонной базы—военной гавани, куда онъ могъ бы укрыться въ случаѣ пораженія, гдѣ онъ могъ-бы возобновить свой запасъ угля, продовольствія, военныхъ снарядовъ. Рѣшеніе послать на Дальній Востокъ балтійскій флотъ было принято, когда еще Портъ-Артуръ стоялъ прочно и въ гавани его стоялъ значительный военный флотъ. Тогда это рѣшеніе имѣло смыслъ. Конечно, Владивостокъ еще въ русскихъ рукахъ. Но пройти во Владивостокъ мимо японскихъ береговъ русской эскадрѣ еще труднѣе, чѣмъ попасть не-

поврежденной въ Желтое море. Ей придется по пути выдержать генеральное сраженіе, а разъ она будетъ побита, ей ничего не останется, какъ разсѣяться по нейтральнымъ гаванямъ и дать себя разоружить.

Паденіе Портъ-Артура, новое пораженіе манджурской арміи, отступленіе къ Харбину, разгромъ балтійскаго флота, осада, наконецъ, паденіе Владивостока, оттѣсненіе Россіи, игнорированіе ея въ интернаціональной политикѣ, въ связи со всѣмъ этимъ—окончательное паденіе русскаго кредита, паника на биржѣ, банкротство русскаго государственнаго банка, крушеніе золотой валюты, обезцѣненіе русскихъ кредитныхъ билетовъ, денежный и торговый кризисъ, возмущеніе и враждебное настроеніе капиталистической Европы, въ связи съ давнишней ненавистью европейскихъ народовъ, которые, по исторической традиціи, видятъ въ русскомъ самодержавіи своего собственнаго врага, полная безцѣльность дальнѣйшаго веденія войны и, въ силу этого, позорный міръ съ Японіей—вотъ перспективы, которыя въ настоящій моментъ открываются передъ русскимъ самодержавіемъ.

«Война началась изъ-за Манджуріи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемоніи въ Восточной Азіи, она разростается въ вопросъ **о мировомъ положеніи царской Россіи** и завершится перемѣщеніемъ политическаго равновѣсія всего міра». Когда эти слова были написаны, они многимъ еще казались рискованнымъ спекулятивнымъ предположеніемъ,—теперь это на глазахъ у всѣхъ стало политическимъ фактомъ. Судьбы Манджуріи отошли далеко въ сторону, не въ нихъ теперь дѣло, на очереди стоитъ вопросъ: останется-ли Россія въ средѣ „великихъ державъ“, или она пойдетъ по пути **Турціи.**

Полная неудача Россіи является результатомъ ея политическаго неустройства. Поэтому, **самодержавіе,** потерявъ войну, можетъ только привести страну къ дальнѣйшему паденію.

Вначалѣ самодержавной Россіи боялись. Потерявъ страхъ, перестали прислушиваться къ ея голосу. Затѣмъ съ ней больше уже не будутъ считаться. Станутъ распоряжаться безъ нея и безъ нея передѣлаютъ карту міра. А затѣмъ начнутъ добираться и до ея собственныхъ владѣній и будутъ отдѣлять отъ нея кусокъ за кускомъ. И то, что еще вначалѣ кажется невѣроятнымъ и чудовищнымъ—идеи, вродѣ присоединенія остзейскихъ провинціи къ Германіи, Финляндіи къ Швеціи, Королевства Польскаго къ Австріи, Бессарабіи къ Румыніи и т. п.—по мѣрѣ политическаго упадка самодержавной Россіи изъ утопіи превратится въ реальную политику государствъ.

Нужно такое государственное переустройство, которое дало бы Россіи новый притокъ военныхъ, финансовыхъ и политическихъ силъ. Это сознано теперь всѣми, не исключая и царскаго правительства. Къ этому привела война.

